Ели, как и спали, – впрок

Традиционно после торжественного посвящения очередной группы школьников славутичских школ в «Светлячки Славутича» и возложения цветов горожанами к памятному знаку «Героям Днепра» в центральном парке начинала работать полевая кухня. Все желающие, а таких было большинство, выстраивались в длинную очередь попробовать солдатской каши. В первую очередь члены Молодежного совета поднесли кашу ветеранам Второй мировой – участникам боевых действий и детям войны. Рядом с героями Великой Отечественной кашу отведали ветераны Афганистана, участники праздника, посвященного Дню Победы, жители и гости города.

Наблюдая, как успешно и стар и млад расправлялся с вкусной (по отзывам участников праздника) гречневой кашей, вспомнился разговор с ветераном Великой Отечественной, участником боевых действий, пехотинцем и пулеметчиком, задорным танцором и баянистом Виктором Пантеевым.

– Виктор Никитович, а гречневая каша похожа на фронтовую?

С присущим ему юмором ветеран-фронтовик сказал:

– Если бы у нас на фронте была такая каша, мы войну на год раньше бы закончили! Еще на сборном пункте, где формировалась сибирская дивизия, нас кормили три раза в день. Это было далеко в тылу. Призывался я в 1941 году, мне было 18 лет, невысокого роста и весил я тогда всего 47 кг, поэтому пищи мне вполне хватало. А вот на фронте всё изменилось. Война проходит не по расписанию, нет там перерывов на обед, да и ужинать не всегда приходилось – то кухня под бомбежку попала, то продукты не успели подвести на передовую. Обычно наедались утром, чтобы на целый день. Правда, такой каши, как у нас на празднике, за годы войны я не пробовал ни разу. У нас преобладала пшенная и перловая, а про гороховый суп мы говорили: «Горошка за горошком бегут по дорожке». Если вылавливал кусочек сала, то это уже был праздник. Картошку варили в простой железной бочке. Хлеба давали одну буханку на четверых на сутки, иногда эти сутки растягивались на значительно большее время. Когда нам давали селедку, мы ее сразу делили на специальной доске, старались, чтобы хвост попадал каждому по очереди. Нам давали концентраты. Сложность была в том, что после того, как размочишь кусок, нужно было успеть донести его до рта. Поэтому часто съедали его сухим.

– А мясные консервы, тушенка? Ведь в кинофильмах о войне мы часто встречаем кадры, когда воины питаются консервами и тушенкой.

– Попробовал и я консервов, но значительно позже. В 1943 году, когда к нам стала поступать помощь из стран антигитлеровской коалиции. Изредка нам доставались американские консервы. Еще позже, когда мы вступили на территорию Германии, то мы столкнулись с явлением уничтожения скота отступающими войсками Вермахта и местными жителями, которые не хотели встречи с нашими бойцами. Нам перепадало свежее сало и мясо. Но бойцы много не брали, так как оно могло просто испортиться и пропасть. Попадали мне и фронтовые сто граммов. Приходилось делиться хлебом и с местными жителями, а бывало, что они нас и подкармливали.

– Виктор Никитович, а высыпаться часто удавалось?

– Спать старались действительно впрок. При наступлении приходилось не спать по нескольку суток. Когда были в обороне, мы размещались в блиндажах и когда были свободны от несения дежурства на посту, старались отоспаться. При участии в наступательных операциях отдыхать и спать приходилось прямо в окопах или свежевырытых землянках.

– А где вы научились играть на баяне и так красиво танцевать вальс?

– Мой отец играл на гармошке, и его отец, мой дед, тоже играл. Мой сын тоже умеет играть на баяне. Это у нас в роду музыкальные способности. А танцевать я научился значительно позже, когда бывал в санаториях, где поправлял здоровье после двух фронтовых ранений.

Вот такое краткое интервью написал я, наблюдая, как, расположившись на лавочках парка, под звуки песен о Великой Отечественной войне, ветераны и молодежь наблюдали за невысоким мужчиной с медалями на пиджаке, вальсирующим с молодой девушкой.

Вадим ИВКИН,
фото автора